

НАЗВАНЫ ПОИМЕННО

Михаил Кураев. Отец и другие плюс электрификация. Исторические свидетельства. СПб.: ИД «Петрополис», 2018, 356 с.

«Никто не забыт, и ничто не забыто...» Войны, репрессии, теракты...

Память о жертвах священна, но бесспорно достойны памяти и те, кто ковал победу в тылу. Много ли мы о них помним? А разве не достойны памяти те, кто созидал, кто создал индустрию, транспорт, энергетику, кто сделал нашу страну действительно Великой державой, способной выстоять, выдержать невероятной силы удар извне и пережить, устоять, несмотря на трагические ошибки и, что уж говорить, преступления верховной власти?

Мы по сей день живем и пользуемся плодами трудов нескольких поколений созидателей. Почему-то об этом упорно забывается, а если и вспоминают, то все реже и реже. Появилось тому и оправдание, дескать, труд был подневольный, каторжный, ну что ж вспоминать...

Конечно, удобней, а главное, выгодней быть «Иванами, не помнящими родства», будучи наследниками великой страны, стать хозяевами ее богатства и не помнить тех, кто ее создал.

На обложке новой книги «Отец и другие, плюс электрификация» Михаила Кураева главные герои его повествования: нарком, а потом и министр энергетики СССР Дмитрий Жимерин, патриарх отечественной гидроэнергетики Генрих Графтио, легендарный начальник Братскгэсстроя Иван Наймушин и их соратник, посвятивший жизнь энергетическому строительству, отец автора. Николай Николаевич Кураев по окончании Ленинградского политехнического, именованного в 30-е годы «индустриальным», пришел на строительство каскада Нивских ГЭС в Заполярье «инженером для технических занятий». Через пятнадцать лет он сдал каскад Правительственной комиссии в ранге начальника строительства и лауреата Сталинской, другой тогда не было, премии первой степени. Двадцать пять последних лет своей жизни руководил Ленинградским отделением института «Оргэнергострой».

Не понаслышке Михаил Кураев знает, как создавалась советская энергетика, знает тех, кто ее создавал. Но на обложке не хватило бы места, если бы на ней были представлены все, кто обозначен в заголовке как «и другие». Даже детская, отроческая память сохранила имена и дела тех, о ком рассказывает книга. Этих «других» более сотни на сравнительно небольшом пространстве книги в триста пятьдесят страниц.

Было время, когда к школьному учебнику литературы прилагалась «Книга для чтения», вот так же и «Отец и другие...» Кураева можно считать «книгой для чтения» по истории советской энергетики от плана ГОЭЛРО до начала 90-х. От созидания до нынешней стагнации.

Эту книгу Кураев не мог не написать. Он не историк отечественной энергетики, но отдать долг, поклониться самоотверженному и бескорыстному труду отцов и дедов может каждый.

Это еще и портрет времени, портрет особого рода людей, особых между ними отношений товарищества и сотрудничества. Книга впечатляет подробностями. Начальник строительства в Заполярье, играющий с листа «Прелюды» Рахманинова... Маленькая балетная студия в клубе заполярной стройки... Где еще узнаешь, что начальник отдела оборудования на стройке в кольской тундре пишет в плановый отдел заявку в форме... сонета! И начальник планового отдела, в жизни не зарифмовавший двух строк, перчатку поднимает и пишет резолюцию стихами!.. Многие ли знают, как после

тяжелейшей аварии в энергосистеме Москвы Берия лично хотел застрелить начальника Мосэнерго Уфаева. Нарком Жимерин встал перед Уфаевым со словами: «Стреляйте в меня, он не виноват». Вот они какие были, так называемые «совки».

Вывезенным в Москву из блокадного Ленинграда семи инженерам в одежде, изношенной до предела, нарком (!) энергетики просит наркома (!) легкой промышленности за счет Наркомата энергетики выделить по костюму, паре рубашек и по две смежные белья. И тут же последовал донос в Госпартконтроль... Пришлось объясняться со Шкирятовым лично. Где еще узнаешь, как начальник Братскгэстроя, бывший беспризорник, сделавший себя сам, как говорят американцы, с подлинным артистизмом, не поступаясь достоинством знающего себе цену *работяги*, объясняется с членом Политбюро Кириленко и Председателем Совмина Косыгиным. И рассказывает об этом Кураев не по преданиям из вторых рук, а из собственных воспоминаний о встречах с другом их семьи Наймушиным в Братске.

Надо сразу же сказать, что повествование Кураева — это отнюдь не производственный отчет или материалы к праздничному докладу ко Дню энергетика. Это полнокровная документальная проза, основанная на собственных детских, юношеских, взрослых впечатлениях с живыми сюжетами эпохи, яркими портретами действующих лиц, сценами, так и просящимися на экран (и прозаик, и кинодраматург дают о себе знать). Чего стоит появление отца в комнате, где он жил до войны, а теперь ставшей кабинетом начальника отдела милиции. Вошел мимо вскочившей секретарши. «Вам что, гражданин?» — спросил начальник милиции. «Хочу выкурить папироску... здесь в блокаду умерли мой сын и мать жены...» — «Даша, принеси пепельницу.» Сам начальник милиции, видимо, не курил. Кино? Эти живые подробности времени пронизывают всю книгу. Июль 1945 года. Курский вокзал в Москве. По обе стороны одного перрона два состава, один идет на Мурманск, другой на Дальний Восток. В одном жена и сыновья, возвращающиеся после летней поездки с Украины. В составе по другую сторону перрона Николай Николаевич, подполковник Кураев, мобилизованный на войну с Японией. Не стану пересказывать эту *невстречу*, лучше прочитать.

Книга «Отец и другие...» не ведомственная, это рассказ о труде и подвиге нашего народа.

Кто сегодня помнит, что в канун решающего сражения на Курской дуге двухнедельными массированными бомбардировками немцы вывели из строя комплекс резиновой промышленности в Ярославле, обувавшей колесную технику армии, и комплекс заводов в Горьком, выпускавшем автомобили, танки, орудия, строивший подводные лодки. 40 % отечественной резины давал Ярославль. Пусть воображение читателя представит, что такое одновременный налет трехсот бомбардировщиков! Как было организовано возрождение уничтоженного производства, кем и в какие сроки? Не помню, чтобы об этом вспоминали даже в торжественные дни. Главный конвейер ГАЗа был пущен до восстановления крыши, под брезентовым навесом. На сталинградском заводе «Красный Октябрь» в январе 1943-го шли бои! В июле завод дал первую плавку! В сентябре выдал первый прокат! Никаким «рабам» такое не под силу. Зачем же, кому на выгоду унижать свой народ? Как же не помнить это свидетельство силы духа наших людей, веру в победу и мощь государства.

«Тупые и бездарные разве могли бы такую работу реально осознать, понять ее масштаб и в считанные дни (!) создать организации, необходимые для исполнения этой работы? Значит, государственный механизм был способен решить и непосильные задачи: сначала найти все необходимое, укомплектовать эшелоны и доставить их со стройматериалами и оборудованием в Горький, Ярославль, Сталинград, принять, разгрузить, распределить по объектам... При страшных потерях в жилом фонде обеспечить десятки тысяч мобилизованных на восстановление едой, крышей над головой, спец-

одеждой, инструментами? И люди, если хочешь — **народ** (выделено автором. — М. К.), работали не за страх, а за совесть».

Кто принимал решения? Кто мог сформировать, оснастить и вписать в без того перегруженный график железных дорог накануне Курской битвы сотни эшелонов с материалами и оборудованием для восстановительных работ в Ярославле и Горьком? Историческая справедливость, пишет Кураев, требует признать высокую эффективность именно партийно-государственной организации, обладавшей не только всей полнотой власти, но и незаурядными мозгами, способными быстро и результативно решать, казалось бы, неразрешимые задачи.

В книге представлена впечатляющая галерея руководителей промышленности, транспорта, энергетики в годы войны. Большинству из них не было и сорока лет! Министр вооружения, министр химической промышленности, черной металлургии... Устинов, Тевосян, Ломако... Первухин — нарком в 35 лет! Устинов — нарком вооружения в 33 года. Косыгин — заместитель Председателя Совнаркома в 35 лет. Кто сегодня помнит Вениамина Эммануиловича Дымшица 1910 года рождения? В 29 лет управляющий трестом «Магнитстрой». За годы войны под его руководством на Урале построено 42 промышленных объекта... Байбаков 1911 года рождения, в 27 лет руководил освоением нефтесыскающего района между Волгой и Уралом, «Второе Баку». Тридцати лет от роду в 1941 году он назначен уполномоченным Государственного Комитета Оборона по обеспечению фронта горючим...

Это лицо сурового времени и лицо великого народа.

Конечно, Кураев проделал фантастическую работу в архивах по собиранию материала. Но нельзя не сказать и о большой главе, предваряющей основное повествование, она и вынесена отдельно от «Отец и другие плюс электрификация» и называется более чем актуально — «Битва за историю». Что объединяет эти две части? Подзаголовки книги: «Исторические свидетельства». Это не иллюстрации к заказной истории, это сама история.

Возьмите любой фрагмент российской истории, в любой публичной дискуссии настоящие сражение, нет ни единодушия, ни спокойной объективности. Автор 20-серийного телесериала «Раскол» ориентируется в отечественной истории не хуже любого профессионального историка и опять-таки с безупречной аргументацией указывает на лукавые «двойные стандарты» в оценке видных исторических персон и знаменательных событий.

Мы благодарны основателю города в устье Невы, а кто, спрашивает Кураев, основал город в устье Северной Двины? Да, да, Архангельск. Кто основал Уржум, Царево-Кокшайск, Цивильск, укрепив восточную линию от набегов черемисов? Кто основал на Волге Самару (1586), Царицын (1589), Саратов (1590)? Кто привел пришедшие в упадок Курск и Воронеж, основал Белгород, Ливны, Оскол, укрепив наши южные рубежи? При ком были основаны Тюмень, Тобольск, Томск, Салехард, Сургут? Не словословьем и ссылками на недоказуемые предания, а перечислением реальных дел, военных и дипломатических, дел государственного строительства Кураев возвращает должное оболганному и непонятно как умершему (убитому?) Борису Годунову. Ложь, сочиненная убийцами Петра III, опровергается историческими свидетельствами, уже предъявленными обществу, да не взятыми в разумение. Нам снова телеэкран преподносит недалекого дурачка, игравшего в солдатики, недостойного российского престола. А с его Указов о вольности дворянства и упразднении Тайной канцелярии (их сам Карамзин считал «славными и бессмертными»), с его учреждения Государственного банка, поощрения промышленности и торговли могла начаться новая Россия, не рабовладельческая! И Павла I в «историческом контексте» и в современном, хотя бы кино, тоже считают недостойным российской короны. И снова подыгрывая убийцам.

Так у кого же власть в нашей стране? — задает вопрос Кураев.

Именно в ближайшем окружении властителя видит Кураев угрозу и потенциальное предательство. Он солидарен с теми историками, с тем же Иваном Зиминным, в том, что, по сути, правит не самодержец, «батюшка царь», пекущийся о царстве и чадах своих, а те самые «самолюбивые бояре», «толпою жадною стоящие у трона», рабовладельцы, готовые на любое предательство и преступления ради сохранения своих привилегий и выгод. Странной смертью умирает Борис Годунов (отравлен?). С младенчества до двадцати шести лет растет в заточении единственный законный наследник престола Иван VI Антонович. И убит, к радости Екатерины II, при невыясненных обстоятельствах. Столь же странно и снова к радости Екатерины II, убит ее муж Петр III. Умирает от «апоплексического удара» золотой табакеркой в висок Павел I... И что же? Осуждены убийцы на вечное презрение? С горечью замечает Кураев: «...есть хорошие, *правильные* убийства для захвата власти, и есть убийства *неправильные*, предосудительные непростительные» (выделено автором. — М. К.). И это сплошь и рядом у профессиональных историков! А вот легенду о Колчаке, «блистательном флотоводце», в жизни не командовавшем даже кораблем первого ранга, «самом молодом командующем флотом», при котором Черноморский флот понес самые тяжелые потери за всю войну, разоблачают факты, предьявленные Кураевым, в том числе и протоколы допросов Верховного правителя России. Камня на камне не остается от пафосного фильма «Адмиралъ». Но это уж, внимательные и неравнодушные читатели, читайте сами!

А завершает свой труд Кураев главой «Тридцать мгновений весны 2013 года». И здесь — только документы и новостные сообщения за первые месяцы не самого тяжелого года в истории новой России. Мы уже привыкли к повседневным дурным новостям о невероятных мошенничествах, финансовых аферах, наглых многолетних кражах, разворовывании казенных денег и т. д. и т. п. Всего несколько первых месяцев 2013 года. Как говорится: дерево, дерево, дерево, — может быть, пора сказать — лес!

И все-таки это книга о созидателях, о людях, для которых благо страны, благо своего народа, служение избранному Делу было смыслом жизни. Да, большинство из них были люди с партбилетом, который вовсе не открывал путь к расхищению народных богатств, присвоению созданных трудом множества людей электростанций, заводов, нефтепромыслов... Им, наверняка в большинстве своем атеистам, как и Высоцкому в одной из его песен, «есть чем оправдаться перед Ним». А вот будет ли чем оправдаться нынешним «эффективными менеджерам», ударникам капиталистического труда, с их шубохранилищами, яхтами, заграничными замками, зарубежными счетами, коллекциями миллионных часов и пр. при 20 миллионах бедных в стране — большой вопрос.

Сейчас, как никогда, возрос спрос на литературу документальную, так называемую «non fiction». Даже ярмарка специальная в Москве для нее создана. Думается, книга Михаила Кураева «Отец и другие плюс электрификация» могла бы занять на ней достойное место. Не пропустите, если увидите, ведь это живая история нашей страны, рассказанная умным и честным писателем-очевидцем. Жаль, тираж маловат, но это общая беда нашего времени.

Милена КУЛАГИНА